

Встреча для вас

Зиновий Гердт:

«ЛЮБЛЮ ПОКА ЖИВУ»

Сейчас на экранах Минска идет фильм режиссера Петра Тодоровского «Военно-полевой роман». Одну из ролей в нем играет народный артист РСФСР Зиновий Гердт.

Он хорошо известен широкому зрителю не только как киноактер, но и как мастер закадрового текста, человек, отдавший свой талант искусству кукольного театра.

— Зиновий Ефимович, о юности вашего поколения сказано: «Сороковые, роковые, свинцовые, пороховые... Война гуляет по России, а мы такие молодые!» Война прошла через вашу судьбу, и от нее навсегда остался след в сердце?..

— Я ненавижу войну, как может ненавидеть ее человек, любящий все живое на земле. Недавно утром к моей кровати подбежал внук, я подхватил его на руки и подумал: нет, войны не может быть, не верю, что человечество может себя уничтожить. Я бывал во многих странах, и в каждой без исключения находил не только товарищей, единомышленников, но и друга. Я доброволец, призванный сороковыми-роковыми. Солдат. Я счастлив, что разделил судьбу своего поколения, своего Отечества. И память о войне заставляет всех нас направить разум человеческий, силы на то, чтобы отстоять мир.

Бывший учащийся ФЗО, слесарь-лекальщик, электромонтажник на строительстве Московского метро, он пришел в ТРАМ (театр рабочей молодежи) к В. Плучеку и А. Арбузову, чтобы в будущем сыграть и Ромео и Гамлета. 1943-й... Ранение. Мысли о том, что путь на сцену может быть закрыт для него навсегда. Это было не просто ранение — это было ранение мечты.

— Когда я лежал в Новосибирске в госпитале, увидел кукольную труппу и понял, что это как раз для меня — за ширмой не будет видно, как я хромаю. Так в 1945-м я пришел в театр Образцова, где проработал 36 лет. Ранение мечты? Но я иногда думаю, что мог бы не меньше пользы принести, стань я воспитателем детского дома или учителем. Мне порой кажется, что у меня не очень актерский характер. У меня всякий раз на глаза наворачиваются слезы, когда я слышу звуки духового оркестра. А ведь в век научно-технической революции не модны сантименты... И людей я люблю не очень-то приспособленных, не умеющих заводить нужные знакомства, немного чудаковатых, искренних, наделенных даром быть самими собой. Черты таких людей мне хочется передать в создаваемых образах, своими ролями защитить их, даже пожалеть. Жалею — значит сострадаю и где-то рядом — люблю. Возьмите, к примеру, многих героев Чарли Чаплина. Так их сыграть можно только искренне сострадав и любя. Кстати, я считаю, что талант Чаплина уникален. Его искусство, его герои доступны в одинаковой мере буквально всем: и министру, и рабочему.

— Но, наверное, каждый актер по-своему в чем-то уникален, да и не только актер, но и каждый человек.

— Говорят, что у искусства нет степеней качества. И то или иное произведение может быть произведением искусства или ничего общего с ним не иметь. Я не отрицаю определенных способностей многих актеров, но мастерство ценю только у некоторых.

Нас питает одна почва, благодатная почва

земли нашей. И мы обратно отдаем ей все, что можем. Свое единение с этой почвой, с теми, кто вырос на ней, я ощущаю не только в области театрального и киноискусства. Я ощущаю его в стихах Александра Твардовского и Ярослава Смелякова, Сергея Наровчатова и Давида Самойлова, Булата Окуджавы и Беллы Ахмадулиной — поэтов, с которыми мне выпало счастье дружить. В нашем же киноцехе мне близко творчество режиссеров Василия Шукшина, Михаила Швейцера и Петра Тодоровского, актеров Инны Чуриковой, Марины Нееловой, Станислава Любшина.

Я согласен, что в каждом человеке можно пробудить и развить не только понимание прекрасного, но и умение создавать его. Как-то в Магнитогорске ко мне после выступления подошла семидесятипятилетняя женщина и робко протянула свои стихи. Стихи оказались удивительными. И удивительным оказалось это знакомство.

— Зиновий Ефимович, снимаясь в кино, вы остаетесь верны театру?

— Предпочтение я отдаю театру, он ближе мне. На сцене работаешь на одном дыхании, без этих «стоп-кадров». Театр... Разве мог бы я без него прийти в кино...

— Ваша любимая роль?

— Я не смотрю фильмов, в которых снимаюсь, ибо знаю, что останусь недоволен и раскритикую сам себя. Считаю, что понимание собственного несовершенства — и в художественном, и в человеческом смысле — естественно. Всеми силами стараюсь оградить своих домашних — жену, дочь от встречи со мной на экране. Пока наша дочь Катя не закончила школу, у нас в доме не было даже телевизора. Я не могу назвать любимую роль, но могу сказать, над чем в последнее время мне интересно работалось. Над одним из образов в экранизации на телевидении рассказов И. Бабеля «Король» и «Как это делалось в Одессе», над ролью в последнем фильме П. Тодоровского «Военно-полевой роман».

— А что бы вы хотели сыграть?

— Мастера в спектакле «Мастер и Маргарита». Я столько исходил булгаковских мест, что мне кажется, об этом романе, его авторе я знаю очень много.

— У вас бывает свободное от актерской работы время?

— Почти два года назад я ушел из образцового театра. Но времени свободного не прибавилось. Да и от чего быть свободным? От духовной работы? Невозможно.

— Какое качество вам бы хотелось передать по наследству внуку?

— Есть такие стихотворные строки: «Любовь моя, Россия, люблю, пока живу». Любовь к Отечеству, к ближнему. Что может быть святее?!

Беседу вела
А. СТУЛОВА.